УДК 882 Л – 3.06

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ИДЕАЛА В РОМАНЕ Н.С.ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ»

Погребная В.Л., к.филол.н., доцент

Запорожский государственный университет

Проблему женского идеала можно отнести к разряду вечных проблем, поскольку на протяжении тысячелетий писатели, художники, скульпторы, музыканты пытались и пытаются воссоздать в своих произведениях лучшие образцы женской красоты и добродетели. Русские писатели II-й половины XIX века Л.Н.Толстой, Н.С.Лесков, Ф.М.Достоевский, И.С.Тургенев, А.Ф.Писемский, И.А.Гончаров открывают новую страницу в летописи женских характеров, неповторимых по своей психологической глубине и убедительности, обаянию и красоте. Именно в женских образах, как в зеркале, отражаются взгляды этих писателей на роль женщины в семье и обществе, на особенности женской природы и характера, на любовь, брак и т.д. Опыт писателей прошлого века в этой области является ценным и с точки зрения этики, и с точки зрения психологии, и с точки зрения поэтики женского образа.

Мы обращаемся к изучению художественного осмысления женского идеала Н.С.Лесковым. Следует отметить, что творчество этого писателя является благодатной почвой для исследования данной проблемы, ибо во многих художественных произведениях (романы «Некуда», «На ножах», «Соборяне», «Обойдённые», рассказы «Юдоль», «Павлин» и др.), публицистических статьях («Русские женщины и эмансипация», «Специалисты по женской части», «Загробный свидетель за женщин» и др.) Н.С. Лесков затрагивал проблемы женской красоты, женской свободы, проблемы семьи, гражданского брака и др.

Несомненно, в результате жизненного опыта у Н.С.Лескова сложился свой идеал женщины – покладистой, любящей, понимающей, сложился свой идеал семейной жизни. Сын писателя, А.Н.Лесков, заметил, что неоднократно в письмах и литературных произведениях его отца семейная жизнь «олицетворялась вечерним сбором всех членов семьи для мирной беседы или чтения *за круглым семейным столом и тихой семейной лампой, льющей ровный свет из-под абажура, сделанного женской рукой* [выделено Андреем Лесковым] [1, 370]. Тишина и семейный уют – это то, о чем мечтал писатель, и чего, по-видимому, не хватало в его жизни. «Тихая семейная лампа» олицетворяет тихую семейную жизнь, без потрясений, скандалов, катастроф. И женщина, с точки зрения Лескова, должна быть «тихой», отзывчивой, скромной, она должна быть, прежде всего, хранительницей семейного очага. Писатель признавал право женщины на равное с мужчиной образование, труд, свободное развитие. Но в женщине он ценил прежде всего не ученость, а характер. Биограф писателя, А.Фаресов, утверждает, что писатель говорил: «Как о мужчине экзамены и дипломы ничего не говорят, так и в женщине прежде всего важен её характер: умение не испортить вам жизнь и затем уже её искристый, природный ум…А после всего идут в счет её научные и курсовые знания…А ведь без последнего ещё можно прожить с женщиной, да ещё как счастливо жили Тургеневские, Авдеевские и Гончаровские мужья с женами; а без уживчивого характера женщин, *без тишины* [выделено нами – В.П.] и ласкового обычая – чёрт ли в том, что жена ученая, да если она кулак и хам?… Образованная женщина, у которой нет благородных намерений быть слугой человечества, гораздо хуже старушки Базаровой» [2, 27].

Писатель неоднократно в своих художественных и публицистических произведениях будет повторять, что русское общество нуждается в хороших матерях и женах. В статье «Специалисты по женской части» он определяет значение женского воспитания как «умножение числа хороших женщин, чему в свою очередь должна помогать здоровым и честным направлением и литература» [3,280]. В этом плане произведения самого Н.С.Лескова можно считать образцовыми, ибо они заставляют думать и многому учат, призывают к добру, милосердию и любви.

Н.Н.Старыгина и М.И.Шенцева совершенно справедливо замечают: «Характер отражения действительности («оценка») определяется содержанием авторского идеала и реализуется в произведении, в критике или идеализации» [4, 24]. Поскольку любой художественный образ является объектом изображения в структуре произведения, мы проанализируем приёмы художественной идеализации и, напротив, приёмы «антиидеализации» в романе «На ножах».

Взгляды Н.С.Лескова на идеальный тип женщины в этом произведении выражают отец Евангел и майор Форов. Этим образам, как и образам их жен, Н.С.Лесков придавал большое значение, утверждая, что без них «нет идеи романа». Во время печатания «На ножах» цензура вымарала некоторые сцены,

касающиеся «симпатичного нигилиста» Форова и его жены. Лесков был вынужден переработать несколько глав. Он писал П.К.Щебальскому 8 апреля 1871 года: «Я посылаю кусок романа «На ножах», кусок живой и горячий, как парная кровь, но немножко непоследовательный. Непоследовательность эта, весьма не худо, впрочем, связанная, происходит от необходимости восстановить характер отношений Форовой к нигилисту-мужу. Это все было безрассудно вымарано, а без этого – нет идеи романа. Теперь все это восстановлено с лицом новой «умной дурочки» попадьи, жены отца Евангела… «Умная дурочка» написана крайне тепло, с её собственною плотью и с её же языком… Она говорит прекрасно, когда *чувствует сердцем* [выделено Лесковым] и преглупо, когда хочет быть «умною дамой» [6, 10, 305]. Идеальная женщина, праведница, желающая, чтобы все любили друг друга, названа Лесковым хоть и умной, но дурочкой. Выражение «умная дурочка» – оскиморон. В нем соединяются противоположные по смыслу слова, что приводит к получению нового смыслового качества, имеющего экспрессивное значение. «Умной дурочкой» называет свою жену отец Евангел [5, 9, 72-73]. Майор Форов, разглядывая жену отца Евангела, относит её «к наипочтеннейшим женщинам на свете» [5, 9, 69]. Имея возможность сравнить столичных женщин и провинциальных, Форов отдаёт предпочтение последним. Он говорит: «…мне нравится только особый сорт женщин: умные дуры, которые, как всё хорошее, встречаются необыкновенно редко» [5, 9, 121]. К такой категории женщин майор причисляет и свою жену. В обществе, больном нравственно, как чудихи и юродивые воспринимаются героини, живущие по христианским заповедям любви и добра. Н.Н.Старыгина и М.И.Шенцева верно заметили, что одним из приёмов идеализации в романе является «мотив юродства в содержании образов Катерины Форовой и жены отца Евангела» [4, 24].

Лесков, раскрывая внутренний мир своих героинь, характеризует их в действии, использует приёмы авторской оценки и оценки, которую дают другие герои. Эти женщины идеальны в восприятии тех людей, которые способны оценить духовную красоту. Через внешнее (портрет, одежда, манера говорить, движения и т.д.) Лесков показывает внутреннюю душевную красоту, нравственную суть героинь. Паинька – «…довольно худенькая, несколько нестройно сложенная молодая женщина, с очень добрыми большими коричневыми глазами… Она была одета в светлое ситцевое платье… заговорила она, ласково глядя на мужа и на майора» [5, 9, 68]. Уже из портрета героини видно, что в глазах её светится доброта, одета она просто, значит бесхитростна и не кичлива, говорит ласково. Внешность у Лескова всегда отражает характер.

С любовью писатель показывает Катерину Астафьевну Форову. Авторская оценка предваряет встречу с этой героиней. Лесков так характеризует жену Форова: «…женщина лет сорока пяти, полная, нервная, порывистая, очень добрая, но горячая и прямая необыкновенно» [5, 8, 116]. Эмоциональность Катерины Астафьевны передаётся через её порывистые движения. Узнав о возвращении племянницы, Ларисы, из Петербурга, она «влетела, как бомба, в комнату, где сидела Лариса, кинулась на шею, дрожа и всхлипывая, и наконец совсем разрыдалась» [5, 8, 116]. Весь смысл жизни Катерины Форовой заключался в деятельном добре. Во время Крымской войны она «по неодолимым побуждениям своего кипучего сердца, поступила в общину сестёр милосердия и отбыла всю тяжкую оборону Севастополя…» [5, 9, 59]. Труд на благо людей, с точки зрения Лескова, является основным показателем эмансипированности любой женщины. Но Катерину Форову можно считать эмансипированной не только поэтому. Гражданский, не освященный церковью брак Филетера Форова с Катериной Астафьевной показывается Лесковым как брак счастливый, удачный.

Самой любимой лесковской героиней романа «На ножах», пожалуй, можно считать Александру Ивановну Гриневич, ставшую затем генеральшей Синтяниной. Её портрет, фигура, манера говорить и двигаться описаны Лесковым пластично и выразительно: «Физическая жизнь её в полном расцвете. Довольно заметная полнота стана генеральши нимало не портит её высокой и стройной фигуры, напротив, эта полнота идёт ей. Полные руки её с розовыми ногтями достойны быть моделью ваятеля; шея была как алебастр и чрезвычайно красиво поставлена в соотношении к бюсту, служащему ей основанием… Всё свежее лицо её дышит здоровьем, а в больших серых глазах ясное спокойствие души… В лице её есть постоянно некоторая тень иронии, но ни одной черты, выражающей злобу. Походка её плавна, все движения спокойны, тверды и решительны» [5, 8, 113]. Александра Ивановна воплощает собой женственность, мягкость. В её поведении, разговоре никогда нет напряжения, порывистости, угловатости, неестественности, в отличие от вульгарно эмансипированных женщин. Когда читатель воспринимает этот образ, у него возникает ассоциация с чем-то круглым, цельным, завершённым, имеющем неподдельную ценность. А.П.Щербакова в статье «Об изменении роли женщин в портретной живописи XIX-XX веков» совершенно справедливо отмечает: «Мягкость, округлость форм, женственность – всё это символы матери и супруги» [7, 153].

Н.С.Лесков наделяет свою героиню идеальным характером. Все окружающие люди восхищаются спокойствием, уравновешенностью, самообладанием, уверенностью в себе, умом и духовностью этой женщины. Приведём несколько таких оценок. Катерина Форова «благоговела пред могуществом воли, торжествующим в святой силе терпения» генеральши [5, 8, 335]. Горданов оценивает её так: «…она прелесть и баба мозговитая» [5, 8, 150]. Александра Синтянина, как справедливо заметил В.Ю.Троицкий

в статье «Духовный и зримый идеал женщины у Лескова» [8, 12], ещё не оценена по достоинству ни читателями, ни литературоведами.

В отличие от петербургских эмансипе, Синтянина не выходит за рамки семейной жизни, не стремится заниматься общественным делом. Она говорит о себе: «…я люблю тишь и согласие, и в них моя поэзия… я простая, мирная женщина» [5, 8, 332]. Но назвать её отставшей от времени, неразвитой, неэмансипированной ни в коем случае нельзя. Она трудится, не пренебрегает «малыми» делами, ведет хозяйство, даже умеет править лошадью. Александра Ивановна всегда имеет свое мнение, всегда отстаивает свою точку зрения. Круг её интересов очень широк. Вокруг генеральши образовывается своеобразный кружок провинциальной интеллигенции, в который входят отец Евангел и его жена Паинька, супруги Форовы, помещик Подозёров. Все они признают, что Синтянина – душа их компании. Александра Ивановна обладала редким качеством соединять людей, вносить гармонию в их отношения.

Самое главное отличие Александры Ивановны от вульгарно эмансипированных женщин состоит, с нашей точки зрения, в том, что она реально смотрит на вещи, не переоценивая свои возможности и силы. Она говорит Подозёрову: «Не нужно забывать, что свет не нами начался, не нами и кончится: il faut prendre le monde comme il est»[1] [5, 8, 326].

Образ генеральши Синтяниной дается автором в русле житийной литературы. Жизнеописание этой героини дается как глазами автора, так и глазами других героев. Большое значение имеет исповедь героини, изложенная в форме завещания к духовнику, отцу Евангелу (15 глава III части). Это завещание-письмо можно рассматривать как внутренний монолог героини, в котором она раскрывает тайну своего странного замужества. Александра Ивановна, пожертвовав собою, вышла замуж за нелюбимого человека, влиятельного генерала Синтянина, чтобы спасти от кары своего жениха-нигилиста и его товарищей. Желание спасти людей было настолько сильным, что девушка, не долго раздумывая, отдала свою молодость, свободу, счастье человеку незнакомому, славившемуся своей грубостью и цинизмом. Она смогла смягчить нравы генерала и стать ему другом, она полюбила его глухонемую дочь и была ей более, чем мачехой. Сама героиня в «Исповеди» скажет о самопожертвовании: «Я хочу сказать, что страшных и непереносимых жертв нет, когда несёшь их с сознанием исполненного долга… В пожертвовании себя благу других есть такое неописанное счастие, которое дарит спокойствие среди всех нравственных пыток и мучений» [5, 8, 434]. Психологический анализ у Н.С.Лескова сосредоточен вокруг главного события в жизни героини. Внутреннее состояние Синтяниной раскрывается сквозь призму именно этой «жертвы».

В романе «На ножах» три «святые» женщины–праведницы (и это символично) – Паинька, Форова, Синтянина. Эти образы являются художественной антитезой петербургским эмансипе. Идеальные женщины, с точки зрения Лескова, живут в провинции, поскольку она является центром духовности и нравственности, тогда как в Петербурге процветают разврат, обман и лицемерие. Лесков пишет о Петербурге, что это город, «где в остром уксусе «сорока разбойников» отмачиваются и в вымоченном виде выбираются в житейское плаванье новые межеумки, с которыми надо ликовать или мучиться и многозаботливым Марфам,и безвестно совершающим свое течение Мариям» [5, 8, 213]. Писатель неспроста упоминает имена библейских героинь, сестёр из Вифании, открывших двери своего дома Иисусу. Именно Марфе Иисус сказал: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, оживёт; И всякий живущий и верующий в Меня не умрёт вовек. Веришь ли сему?» [9, Ин. 11: 25-26]. А ее сестра Мария омыла ноги Христа дорогим нардовым миром перед тем, как Он был распят. Эта женщина знала, что Христа, воскресившего её брата Лазаря, преследуют враги, что ему опасно ехать в Иерусалим. Но она знала и то, что он «не станет бежать от собственной смертной участи… когда она помазала Его ноги миром, она хотела сказать Ему, что в её глазах любой Его выбор всегда будет верным и правильным» [10, 225]. Эдит Дин в книге «Все женщины Библии» называет Марию «одной из самых духовно восприимчивых женщин Нового Завета» [10, 221]. Мария – идеал женщины спокойной, тихой, задумчивой, восприимчивой к чужому горю. Не уступает в положительных качествах своей сестре и Марфа – превосходная хозяйка, практичная и рассудительная. Земная Марфа и возвышенная Мария соединяют в себе лучшие женские качества, так высоко ценимые Лесковым.

В романе «На ножах» герои много спорят о предназначении женщины, о браке, любви, красоте и т.д. Спор героев о красоте – «один из смысловых центров произведения» [4, 25]. Отношение самого автора к красоте передается словами майора Форова. «Красота – сила, и такая здоровенная, что с нею силы, гораздо её совершеннейшие, часто не справятся» [5, 9, 201]. Н.С.Лесков утверждает не только эстетическое, но и нравственное значение красоты. Если внешняя красота существует без внутренней, без духовности, она ущербна. Эта идея находит свое воплощение в образах петербургских эмансипе, и, отчасти, в образе Ларисы Висленевой. Описывая загадочную красоту Ларисы, Н.С.Лесков пользуется такими эпитетами как «прекрасная», «очаровательная» [5, 8, 145]. Как и портреты других героинь, портрет Ларисы старательно выписан писателем: «…жгучая брюнетка… южного в ней бездна… глаза

[1] нужно принимать свет таким, как он есть (франц.)

большие, черные, светящиеся электрическим блеском откуда-то из глубины, отчего вся она кажется фарфоровой лампой, освещенною, жарким внутренним светом» [5, 8, 117].

Н.С.Лесков, выражая мысли и чувства Ларисы, чаще всего пользуется формой несобственно-прямой речи. Двуплановость высказывания, передающая и внутреннюю речь персонажа (внутренний монолог), его мысли и настроения, и оценку автора, усиливает психологическую напряженность повествования. Например, рассмотрим сцену перед ночным свиданием Лары с Гордановым. Девушка ловит себя на мысли о том, что не может молиться: «Господи, - думала она, мысленно проведя перед собой всю свою недолгую прошлую жизнь. – Какой путь лежит предо мною и чем мне жить… Где же идеал?… Я без него… Я вся дитя сомнений: я ни с кем не согласна и не хочу соглашаться. Я не хочу бабушкиной морали и не хочу морали внучек… Я хочу… ничего не хотеть, и… Этот человек… Горданов… в нем мой покой! Я его ненавижу и…я люблю его… Я люблю этот трепет и страх, которые при нем чувствую!… Боже, какое это наказание!… Лариса покраснела и вздрогнула» [5, 8, 417]. Прерывистость речи, риторические вопросы, восклицания, обращения передают внутреннее состояние Лары. Авторский комментарий отражает рисунок внешнего поведения героини. В данном случае, через движения и мимику передается сумятица чувств Ларисы, её тревога. В этой сцене Н.С.Лесков использует такой композиционный прием как предварение. Лару «испугала свеча, которая горела тихо и вдруг вспыхнула: на неё метнулась ночная бабочка и, опалив крылышки, прилипла к стеарину и затрепетала» [5, 8, 417-418]. Образ бабочки символичен. Это сама Лариса, красивая и легкая, которая «опалит крылышки» о Горданова. Маленький эпизод с бабочкой является предзнаменованием трагической судьбы Ларисы. Образ вспыхнувшей свечи сопоставим с образом искры в соломе, с которой сравнивает племянницу Катерина Форова: «Нет, я плачу о том, что она точно искра в соломе, так и гляжу, что вспыхнет» [5, 8, 321]. Лариса быстро вспыхнула и быстро угасла.

Один из излюбленных приемов Лескова-повествователя – антитеза, контрастное изображение. В романе «На ножах» противопоставляются мир добра, света, милосердия (в нем живут и его во многом создают идеальные женщины) и мир зла, бесовства, нигилизма. Н.Н.Старыгина определяет поэтику романа Лескова как «знаковую: в произведении целенаправленно «обозначаются» миры света и тьмы и указываются носители добра и зла» [11, 11]. Их столкновение и движет сюжет романа. В восприятии всех главных героев существует ещё одна антитеза – гармоничная Синтянина противопоставляется трагической героине, «заблудившейся», «роковой натуре» [5, 8, 330], – Ларисе Висленевой. Подозеров, сравнивая свою жену с Синтяниной, говорит о разнице ощущений, вносимых в душу этими женщинами: «Какую противоположность представляет это судорожное метанье с тем твердым, самообладающим спокойствием той другой женщины!» [5, 9, 52]. Выше мы указывали на то, что призвание Синтяниной – соединять людей. Это качество очень высоко ценилось Н.С.Лесковым. Лариса же несет в себе силу разъединения, она не только сама ссорится со своими родственниками и друзьями, но и пытается поссорить с ними мужа. Висленева в сердцах скажет Синтяниной: «Я ненавижу тебя за все и особенно за твою заботу обо мне. Тетя Катерина Астафьевна права: во мне бушует Саул при приближении кротости Давида… твои превосходства взяли у меня душу моего мужа» [5, 9, 315]. Аналогия с библейскими образами позволяет глубже понять «заблудившуюся» душу Ларисы. Царь Израиля Саул был злым, завистливым и коварным. Видя в Давиде соперника, он ненавидел и преследовал его. Давид имел возможность убить Саула, но не хотел причинять ему никакого зла. Синтянина искренне любила Ларису даже тогда, когда многие отвернулись от неё. Гордая Лора не может принять её любовь. Свое поведение она объясняет таким образом: «… в меня вселяется дьявол» [5, 9, 315]. Дьявольщина, бесовство – это те темные силы, которые есть в душе Лары, и которым противостоят покой и свет души Александры Синтяниной. Символы покоя, добра, красоты, согласия, света, семьи, гармонии, милосердия относятся к традиционной христианской символике, как и противостоящие им символы зла, бесовства, темноты и др. Духовность Синтяниной, её стремление служить людям, совершенствовать прежде всего себя, а затем других, её жертвенность напрямую связаны с христианскими идеалами, тогда как «бессодержательная Лариса» [5, 9, 79], горесть её тётки, Катерины Форовой, не имеет никаких идеалов. Она бы и рада была их иметь, но совершенно бессильна в своём стремлении во что-либо или в кого-либо поверить. Лариса принадлежит к тому типу людей, которые «чужды всем и даже самим себе» [5, 9, 47]. Это одиночество, пустота, непонятость и приведут Ларису к самоубийству. Напрашивается сравнение с Николаем Ставрогиным (роман Ф.М.Достоевского «Бесы»), которому Тихон говорит на исповеди: «… знаю твои дела; ни холоден ни горяч; о если б ты был холоден или горяч!… ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чём не имею нужды: а не знаешь, что ты жалок, и беден, и нищ, и слеп, и наг…»[12, 11, 11]. Эксцентричные поступки и эксперименты Николая Ставрогина свидетельствуют о том, что его отрицание доходило до пределов. Ларису же тоже «интересуют только пределы вещей и крайние положения» [5, 8, 117]. Изучая Ларису, Горданов понял эту особенность её природы: «У Горданова Лариса выходила ни умна, ни глупа, но это была, по его точному выводу, прекрасная «собака и её тень». Вся суть её характера заключалась в том, что всё то, что ей принадлежит, ей не нужно» [5, 8, 345].Подозёров, понимая, что Ларе нечем жить, рассуждает: «Она не обрежет волос, не забредит коммуной, не откроет швейной: всё это для неё пустяки и утопия; но она и не склонит колена у алтаря и не помирится со скромною ролью простой, доброй семьянинки» [5, 9, 47]. Мотив «обрыва» героини (её

незаконного второго замужества) напрямую связан с мотивом «обрыва» в романе с таким же названием. Однако, Вера смогла вернуться к «бабушкиной» морали, которая зиждется на христианской нравственности и духовности. Лара же этого не сделает, она перережет горло бритвой, не видя выхода и смысла своего существования.

Лариса оказалась в полнейшей изоляции от людей. Многие её осудили. Лишь Синтянина защитит несчастную Лару. Генеральша так охарактеризует последнюю: «Она строгая к себе девушка; девушка честная, не болтушка, не сплетница; любит дом, любит чтение и беседу умных людей. А всё остальное… от этого ей одной худо» [5, 9, 37]. Действительно, Лара всё делает во вред себе, сама же страдает, судит себя очень строго. Автор пишет, что Лариса «сама понимала, что она легко могла всем надоесть своим тяжёлым, неприятным характером»[5, 9, 212]. Её самооценка – приговор себе: «…я низкая, гадкая женщина, у меня нет силы снести наказание и срам» [5, 9, 287]. Автор сочувствует бессодержательной девушке без идеалов. Он прощает её словами отца Евангела: «…была она женщина, – сосуд скудельный (т.е. непрочный, хрупкий – В.П.) и слабый, и за то ей простится всё…» [5, 9, 389].

В романе «На ножах» Лесков описывает поведение как «новых» женщин (Ванскок), так и «новейших» (Казимира, Алина Фигурина, Ципри-Кипри и др.). Таким образом, он выделяет две эпохи в развитии женской эмансипации. Такая классификация созвучна классификации критика В.Г.Авсеенко, который выделял две эпохи нигилизма, и, отсюда, две разновидности нигилистов – «теоретики» или «сознательные нигилисты» и «бессознательные, практические нигилисты». Теоретики нигилизма писали статьи, устраивали коммуны, заключали гражданские браки «не ради чего другого, как во имя и во славу нигилизма» [13, 395]. О практических нигилистах В.Г.Авсеенко пишет: « Чаще всего бессознательный нигилизм вырабатывается в практической жизни в обыкновенное мошенничество и умение обделывать делишки вне всякой зависимости от каких-либо принципов» [13, 396-397]. Русская интеллигенция была разнослойной. Д.Н.Овсянико-Куликовский, наблюдая за «полуинтеллигентной» средой, совершенно справедливо пришёл к выводу, что важнейшие черты психологии интеллигенции в этой среде проявляются в искажённом, «уродливо-утрированном виде» [14, 384].

В отличие от идеальных образов лесковских героинь, в отличие от трагического образа Ларисы Висленевой, образы петербургских нигилисток в романе «На ножах» даются Лесковым более схематично. Основные приёмы их изображения – карикатура, пародия, шарж, ирония. В повествовании преобладает авторский комментарий. Чаще всего он носит публицистический характер. Так, например, Н.С.Лесков подробно объясняет, чем отличается мировоззрение «новейших» женщин: «…вчерашние отрицательницы брака не пренебрегали никакими средствами обеспечить себя работником в лице мужа и влекли с собою неосторожных юношей к алтарю отрицаемой ими церкви. Этому изыскивались оправдания. Браки заключались для более удобного вступления в бесконечные новые браки» [5, 9, 46]. Именно такою женщиной является Алина Фигурина. Уже в портрете писатель передаёт некую ущербность героини: «…высокая, полная, замечательно хорошо сложенная женщина, в длинной и пышной ситцевой блузе, с густыми огненными рыжими волосами на голове и с некрасивым бурым лицом, усеянным сплошными веснушками» [5, 8, 260]. Её ровный и спокойный голос характеризовал спокойствие «натуры сильной, страстной и самообладающей» [5, 8, 260]. Алина, украла у отца, полицейского полковника, 50 тысяч и вложила в дело. Она упекла своего престарелого отца в сумасшедший дом, обобрала до нитки Горданова, обманом женила на себе Висленева и заставила его усыновить своих детей. Поступки героини свидетельствуют о том, что она – хищница. Горданов называет её «игроком»[5, 8, 289]. Фигурина игру ведёт по-крупному. Ей не свойственны жалость, милосердие, доброта, женственность. Она всё может продать и купить. Покупает она себе и мужа.

Почему Висленев попал в такую ситуацию? Дело в том, что он был «женский эмансипатор» [5, 8, 260]. Он восхищался женщинами, презирающими брак и домашние обязанности, верность, женственность, занимающимися общественной деятельностью. Женился наш герой по принципу, желая освободить жену «от тягости отцовской власти»[5, 8, 121-122]. Н.С.Лесков намекает на женитьбу Лопухова на Вере Павловне Розальской (роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?»). Он пародирует эту ситуацию. Висленев, живя в доме собственной жены и её любовника, «служил ей и её детям верой и правдой, кряхтел, лысел, жался…» [5, 8, 273]. Теперь он испытал на собственном горьком опыте, на что способны «новейшие» женщины. Иосаф возненавидел «женский вопрос». Он говорит сестре: «…от женского вопроса у меня весь мозг высох и уже сердце перестаёт биться»[5, 9, 233].

Изображая уродливые стороны женской эмансипации, Н.С.Лесков помнил о том, что среди лицемерных, пустых, корыстных, распутных и других вульгарных эмансипе могут быть искрение стриженые барышни, верящие в свои идеалы. В романе «На ножах» есть такая героиня, это Анна Александровна Скокова или Ванскок. Интересным фактом можно считать то, что при общем неприятии романа «На ножах», многие писатели восхищались именно Ванскок. Ф.М.Достоевский, современник Лескова, в письме в А.Н.Майкову от 18 (30) января 1871 года писал: «…Какова Ванскок! Ничего и никогда у Гоголя не было типичнее и вернее. Ведь я эту Ванскок видел, слышал сам, ведь я точно осязал её! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов – то эта фигура останется на

вековечную память. Это гениально!» [12, 29, кн. 1, 172]. В XX веке А.М.Горький тоже отмечал жизненную и художественную силу образа Ванскок. Он писал об Анне Скоковой: «Эта девица – тип, мастерски выхваченный их жизни рукою художника, изображённый удивительно искусно, жизненный до обмана, – таких Ванскок русское революционное движение создавало десятками»[15, 231].

Писатель относится к своей героине несколько иронически. Авторский комментарий, используемый при изображении этой героини, преобладает над другими приёмами и способами построения художественного образа. Автор так описывает её портрет и характер: «…приземистая молоденькая девушка, Анна Александровна Скокова, особа ограниченная, тупая, рьяная и до того скорая, что в устах её изо всего её имени, отчества и фамилии, когда она их произносила, по скорости, выходило только Ванскок, отчего её, в видах сокращения переписки, никогда её собственным именем и не звали, а величали её в глаза Ванскоком, а за глаза или «Тромбовкой» или «Помадною банкой», с которыми она имела некоторое сходство по наружному виду и крепкому сложению» [5, 8, 218]. Манера передвигаться у героини тоже была связана со скоростью и скачками. Лесков пишет: «Ванскок бомбой вылетела из квартиры и покатилась мячом по лестнице...» [5, 8, 268]. Описывая манеру говорить Анны Скоковой, автор наделяет её дефектом речи (она не выговаривала правильно шипящие и свистящие и поэтому вместо извозчик получалось «извошшик», вместо ящик – «яшшик» [5, 8, 238]). В этом проявляется некая её ущербность, как и во внешней некрасивости.

Ванскок принадлежит к «новым» женщинам, а не к «новейшим», она не приняла хитрость, ловкость, авантюризм, лицемерие «нововеров». Лесков пишет, что «…она примкнула к ним только внешнею стороной, в глубине же души она чтила и любила людей старого порядка, гражданских мучеников и страдальцев, для которых она готова была срезать мясо с костей своих, если бы только это мясо им на что-нибудь пригодилось» [5, 8, 218]. Такой фанатизм и прямолинейность оцениваются Лесковым несколько иронично. «Новейшие» люди предлагают Ванскок веру в естественные науки заменить безверием, вместо работы «над Боклем» и «лягушкой» предлагают задушить кошку. В описании этой ситуации есть немалая доля карикатурности: «Ванскок ни на минуту не подумала, что это шутка: она серьёзно взяла кошку за горло, но не совладела ни с нею, ни с собою: кошка её оцарапала и убежала» [5, 8, 219]. Юмор писателя в данном случае основан на парадоксальной ситуации. Авторская оценка героини, сопровождающая это описание, негативная. Лесков называет Ванскок «скорбной головой девицей» [5, 8, 219]. Оценки, данные девушке героями романа, не совпадают с авторской. Висленев говорит Горданову: «…Ванскок натура честная» [5, 8, 304]. Особо уважал староверку Ванскок старовер Форов. Определяя её отличие от новейших женщин, он говорил: «Великая Вансок издохнет зверёнышем и не будет ручною скотиной, да-с! А вот новизна… сволочь, как есть сволочь! Эти покладливее: они какую хотите ливрею на себя вденут и любым манером готовы во что хотите креститься и с чем попало венчаться…» [5, 9, 399]. Автор называет Ванскок «истой весталкой»[5, 8, 230]. Древние римляне называли весталками девственных жриц Весты, богини домашнего очага. Ванскок выступает противницей брака и семьи, поскольку считает, что эмансипированная женщина должна служить, в первую очередь, общественному делу. Она признаётся: «Я не люблю ребятишек» [5, 8, 229]. Писатель показывает, что женщина, не стремящаяся иметь семью и детей, превращается в мужеподобное существо. Природа не наделила Ванскок красотой. Она же, вместо того, чтобы развивать в себе чисто женские, привлекательные черты и качества, небрежно одевается, её руки «грязноваты»[5, 8, 232]. Писала девушка «отвратительнейшим почерком» [5, 8, 232]. Висленев распечатывает её письмо – «неопрятно заделанный и небрежно надписанный на его имя пакетик»[5, 8, 242]. Однако, не смотря на свою ущербность и карикатурность, Ванскок выигрывает во многом по сравнению с другими петербургскими эмансипе. Автор, с одной стороны, иронизирует над ней, а с другой, сочувствует и показывает несчастным, неполноценным человеком.

Практически все образы «новейших» женщин даны Лесковым эпизодически, за исключением образа Глафиры Васильевны Бодростиной, жены престарелого губернского предводителя дворянства, Михаила Андреевича Бодростина. Писатель любуется красотой Глафиры. Вот её портрет: «… высокая стройная женщина, с подвитыми в кружок тёмно-русыми волосами, большими серыми глазами, свежим приятным лицом, которому небольшой вздёрнутый нос и полные пунцовые губы придавали выражение очень смелое и в то же время пикантное»[5, 8, 165]. В таком изображении ещё не просматривается хищническое начало этой женщины. Во внешнем виде произойдут изменения лишь тогда, когда Бодростина станет вынашивать преступные планы: «Сверкающая красота её померкла; глаза, вместо прежнего пламенного, обдающего жаром взгляда, смотрят только тревожно, остро и подозрительно; у углов губ пролегла тонкая морщинка; под глазами заметны темноватые круги, и вся кожа, так недавно вызывавшая у старого Бодростина комплименты её свежести и аромату, подцветилась желтоватым янтарным отливом» [5, 9, 86]. Чтобы показать в Глафире хищницу, автор постоянно использует описание её движений, которые напоминают повадки и поведение кошки или тигра. Она не передвигается спокойно, а постоянно прыгает. Её движения порывисты и резки. Например, автор пишет о том, что Бодростина «достала пахитоску и, отбросив ногой в сторону кресло, прыгнула и полулегла на диван» [5, 8, 166]. Описывая встречу Синтяниной и Бодростиной, автор прямо сравнивает глаза Глафиры с

кошачьими: «Левый глаз Глафиры потерял спокойствие и забегал, как у кошки…» [5, 9, 264]. Выражение лица Глафиры, её речь тоже передают особенности её характера: с Гордановым она говорит «…с лёгкою иронией, глядя прямо в лицо» [5, 8, 166], «с презрительной улыбкой» [5, 8, 170] и т.д.

Историю жизни Бодростиной мы узнаём из её диалога с Гордановым (часть I, глава 9). Глафира напоминает Павлу о том, как он был учителем её брата, двенадцатилетнего мальчика, но «занялся развитием сестры более, чем уроками брата» [5, 8, 168]. Она говорит о себе: «…дева увлеклась пленительною сладостью твоих обманчивых речей и, положившись на твои сладкие приманки в алюминиевых чертогах свободы и счастия, в труде беранжеровскими шансонетками, бросила отца и мать и пошла жить с тобою «на разумных началах», глупее которых ничего невозможно представить»[5, 8, 168]. Бодростина намекает на четвёртый сон Веры Павловны из романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?», где идёт речь об алюминиевых дворцах. Говоря о труде с беранжеровскими шансонетками, она, опять же, намекает на ту сцену из этого романа, где рассказывается, что Вера Павловна с хором поёт песню Лизетты из Беранже («Нет, ты не Лизетта…») (глава 5). Вскоре Глафире наскучило общаться со «стриженьми, грязношеими барышнями и слушать их бесконечные сказки «про белого бычка», да склонять от безделья слово «труд»[5, 8, 169]. Горданов решил её использовать в своих целях как приманку для богатых людей. Но Глафира обхитрила его, выйдя за Бодростина замуж.

Интересны оценки, которые даёт Бодростиной её сообщник, Горданов. Он утверждает, что у неё «есть царь в голове» [5, 8, 138]. Он же восклицает: «Какой демон, какая страшная женщина!»[5, 9, 14-15]. Вспомним, что демоническим началом автор наделяет и Ларису. Что может быть общего между этими двумя женщинами? Глафира, узнав о дуэли Горданова с Подозёровым,чувствовала «разлом, с тем же ощущением своей духовной нищеты, то же самое «нечем жить», которое томило и обращало бог весть во что красавицу Лару» [5, 9, 145]. Красавицы Лара и Глафира, с точки зрения Лескова, ущербны, ибо у них нет идеалов, нет веры, нет духовности. Различие этих женщин заключается в том, что демонизм Лары, в основном, был направлен против неё самой, она это осознавала и страдала от этого. Демонизм же Глафиры направлен против окружающих её людей. С её лёгкой руки Горданов отравляет племянника Бодростина – Кюлевейна, а Висленев убивает самого Бодростина и является причиной гибели Святозара Водопьянова. Обман, предательство, кровь, трупы – то, что сопровождает в романе эту женщину.

Психологическое мастерство Лескова-писателя проявляется в том, что он показывает метания, противоречия, борьбу этой героини с самой собой. Восхищаясь красотой, умом, волей Глафиры, её «живым и предприимчивым»[5, 8, 339] характером, писатель показывает её не только как злодейку, но и как несчастную женщину. Ещё в раннем детстве героиня убедилась не только в том, что «красота есть сила» [5, 8, 170], но и в том, что этой красотой «хотели орудовать» [5, 8, 345], её хотели использовать в своих целях многие мужчины. Героиня страдает от того, что «никто никогда не остановился на душе её, никто не полюбил её за её сердце, не сказал ей, что он ей вверяется, что он ей верит и хочет слиться с нею не в одном узком объёме чувственной любви!» [5, 8, 345]. Она мечтала о добром и честном муже. Бодростина «не любила зла для зла: она только не пренебрегала им как орудием, и не могла остановиться» [5, 8, 339].

Бодростина прекрасно осознаёт, что она с Гордановым во многом одного поля ягоды. Героиня говорит Павлу: «…у меня совести во всяком случае не меньше, чем у вас, - я говорю, конечно, о той совести, о которой нам с вами прилично говорить» [5, 9, 175].В отличие от Горданова и других преступников, Глафира способна раскаяться, её мучает совесть. В минуты душевных терзаний Глафира была «*человек* (выделено Лесковым), более, чем все её партнёры» [5, 9, 147]. Она не была лишена того, что Лесков называет «натурой» [5, 9, 147]. Вкушая муки духовного нищенства, она знала, что её злодейство «не пройдёт ей безнаказанно, по какому-то такому же неотразимому закону, по какому, например, она неудержимо довершила это злодейство, утратив охоту к его довершению» [5, 9, 369]. Во время отпевания Бодростина в церкви Глафира была «подавлена и расстроена» [5, 9, 372].Она публично признаёт свою вину. Р.Н.Поддубная совершенно справедливо замечает, что публичное саморазоблачение Глафиры Бодростиной – «неизбежный результат неподконтрольной разуму нравственной природы человека» [16, 12]. За свои злодеяния Глафира была наказана, она была вынуждена выйти замуж за предприимчивого Ропшина, который обобрал её и держал в чёрном теле. Однако, в конце романа автор показывает её счастливой женщиной, поскольку у неё родился ребёнок. Материнство даст возможность раскрыться лучшим качествам Глафиры.

Символика женских образов романа «На ножах» напрямую связана с ценностными ориентациями Н.С.Лескова, его взглядами на брак, развод, эмансипацию, любовь. Лесковский идеал женщины связан с христианской нравственностью. Помещица Синтянина, майорша Форова, попадья Паинька являются хранительницами «вечных» нравственных норм, дома и семьи. Цель их жизни – забота о ближних. Такие их качества как самопожертвование, доброта, трудолюбие, благородство и др. позволяют Лескову причислить их к лучшим представительницам слабого пола. Приемы идеализации женских образов, используемые писателем, разнообразны. Это и авторская оценка, прямая и иносказательная (в форме символов, библейских и мифологических аналогий). Это и оценки окружающих. Для автора важно

показать, что героини идеальны в восприятии именно тех людей, которые способны оценить не только внешнюю красоту женщины, но и внутреннюю, духовную (отец Евангел, Форов, Подозеров).

Образам праведниц в романе противопоставлены образы трагических, «заблудившихся» натур (Лариса Висленева и Глафира Бодростина). Эти героини красивы внешне, но их красота ущербна, поскольку они нищи духовно, у них отсутствует вера в Бога и людей. Изображая сумятицу чувств и переживаний этих героинь, автор широко использует сны, символы, видения. Такие композиционные приемы как предварение и умолчание позволяют передать особую атмосферу загадочности, которая царит вокруг этих женщин. Аналогии с библейскими и литературными образами позволяют глубже понять причины трагедии героинь. Отсутствие веры и духовности ведут Ларису к смерти, а Бодростину – к одиночеству. В связи с этими образами в романе возникает мотив бесовства, дьявольщины.

Идеальным женским образам в романе противопоставлены петербургские эпансипе, для которых идеи женской эмансипации имеют значение лишь тогда, когда это выгодно, престижно, модно. «Новейшие» женщины показаны Лесковым как хищницы, авантюристки, пустые, вульгарные, корыстные и лицемерные. Пародия, карикатура, шарж, ирония, зоологическое уподобление – те приемы, которые использует писатель для изображения «новейших» эмансипированных женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям в 2 томах. – М.: Гослитиздат, 1954. – 684 с.
2. Фаресов А.И. Из воспоминаний о Н.С.Лескове // Свободным художеством. – 1910. - №1. – С.26-29.
3. Лесков Н.С. Специалисты по женской части //Литературная Библиотека. – 1867. – №12. – С. 263-283.
4. Старыгина Н.Н., Шенцева М.И. Идеальное и идеализация в романе Н.С.Лескова «На ножах» (некоторые аспекты проблемы) // Творчество Н.С.Лескова в контексте русской и мировой литературы: Материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 100-летию со дня смерти писателя, Орел, 5-7 сентября 1995 г. – Орел,1995. – С. 24-25.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений в двенадцати томах. – М.: Правда, 1989. В тексте даны ссылки на том и страницу.
6. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. – М.: Гослитиздат, 1958. В тексте даны ссылки на том и страницу.
7. Щербакова А.П. Об изменении роли женщин и женского образа в портретной живописи XIX- XX веков //Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 1997. - №2. – С. 150-153.
8. Троицкий В.Ю. Духовный и зримый идеал женщины у Лескова // Литература в школе. – 1991. - №2. – С. 8-13.
9. Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: ВСЕХ, 1990. – 296 с. В тексте даны ссылки на название книги, главы, стиха.
10. Дин Э. Все женщины Библии. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 432 с.
11. Старыгина Н.Н. Добро и красота в художественной структуре романа Н.С.Лескова «На ножах» // Тезисы докладов межвузовской научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Н.С.Лескова 1-3 октября 1991. – Орел, 1991. – С. 10-12.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Л.: Наука, 1972-1987. В тексте даны ссылки на том и страницу.
13. Авсеенко В.Г. Практический нигилизм // Русский Вестник. – 1873. - №7 (Т.106). – С. 389-427.
14. Овсянико-Куликовский Д.Н. Психология русской интеллигенции / Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909-1910 гг. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 382-405.
15. Горький М. Н.С.Лесков / Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах. – Т.24. – М.: Гослитиздат, 1953. – С. 228-237.
16. Поддубная Р.Н. Становление концепции личности у Н.С.Лескова (Разновидности и функции фантастического в романе «На ножах»)/ Творчество Н.С.Лескова: Межвузовский сборник научных трудов. – Курск: КГПИ, 1988. – С. 3-33.